

ФИНАНСОВЫЕ ПОВИННОСТИ КРЕСТЬЯН ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье отмечено, что номинальные размеры прямых налогов и сборов в пореформенной России в целом соответствовали производственным ресурсам крестьянских хозяйств, а наблюдавшийся рост недоимок относился главным образом к выкупным платежам за полученную крестьянами землю. Задолженность по налогам и сборам объяснена как недостатками податной политики, так и сохранявшимся господством натурально-потребительской экономики крестьянских общин.

Ключевые слова: крестьянство, пореформенная эпоха, налоги, выкупные платежи, недоимки, Воронежская губерния, доходность, крестьянские бюджеты.

Финансовое положение крестьянских хозяйств в пореформенной России до сих пор исследовано слабо. Среди либеральных и особенно народнических исследователей дореволюционного времени сохраняла популярность книга Ю.Э. Янсона, писавшего о чрезмерной обременительности финансовых повинностей крестьянства после отмены крепостного права [13, с. 30–35]. Оппозиционной интеллигенции чрезвычайно импонировали выводы исследователя о грубых перекосах в социальной политике правительства. Между тем, уже некоторые современники отмечали очевидную тенденциозность положений Янсона. Представленная им картина крестьянских повинностей получалась, по справедливому замечанию И.А. Христофорова, «неправдоподобной: оставалось только гадать, каким образом миллионы крестьянских хозяйств при таком катастрофическом обложении выживают уже полтора десятка лет, и кое-где весьма успешно» [11, с. 301].

В советской историографии мнение о тяжелом налоговом бремени, лежавшем на крестьянах, считалось аксиоматичным. Советские историки были сами убеждены и убеждали читателей, что царское правительство весь смысл своей деятельности видело только в том, чтобы эксплуатировать народ. Поэтому мысль о росте материального благосостояния крестьянства при самодержавии им представлялась кощунственной, поскольку она посягала на основной постулат марксистско-ленинской историографии о необходимости, закономерности

¹ Карначёв Михаил Дмитриевич, доктор исторических наук, Воронежский государственный университет; m-karnach@mail.ru, Россия, г. Воронеж.

и неизбежности социалистической революции в России. Отчасти поэтому реальная роль налоговых платежей в жизни крестьянских хозяйств изучалась крайне мало. Приходится констатировать, что внушительные исследования крестьянских бюджетов известного статистика Ф.А. Щербины до сих пор не нашли достойного продолжения.

Наиболее развернутое обоснование тезиса о непомерной тяжести налогового бремени пореформенного крестьянства дал в своих трудах А.М. Анфимов, пользовавшийся заслуженным авторитетом одного из лучших знатоков аграрной проблематики и отлично знавший источники. Однако приведенные в исследованиях Анфимова достоверные статистические сведения ставят под сомнение правоту идеологических установок историка. Он сообщает, например, что казенные, земские, мирские и страховые сборы с крестьян Европейской России в 1904 г. в сумме составляли 181,7 млн руб. При этом казенные налоги в годовом измерении насчитывали свыше 81 млн руб., земские сборы – свыше 32 млн, мирские – около 48 млн и страховые взносы – около 20 млн.

В состав казенных налогов включались и выкупные платежи за полученную крестьянами после отмены крепостного права землю. Общая численность крестьянских дворов в Европейской России определялась в 12,5 млн, следовательно, в среднем на двор приходилось прямых налогов немногим больше 14,5 руб. [2, с. 490]. В начале XX в., констатирует далее Анфимов, прямые налоги существенно уменьшились. «Государственные поземельные налоги с надельных земель снизились с 91 млн руб. в 1901 г. и 82,6 млн руб. в 1904 г. до 18,9 млн руб. в 1907 г. и 10,9 млн руб. в 1912 г.» [2, с. 492]. Такое сокращение повинностей произошло после отмены с 1907 г. выкупных платежей. Правда, с января 1906 г. была вдвое увеличена ставка поземельного налога. Но даже после этого сумма государственного поземельного налога по стране равнялась в 1914 г. 30,6 млн руб. Налог этот взимался, естественно, не только с надельных крестьянских, но и со всех частных земель. В Курской губернии, например, ставка этого налога составляла всего 17 коп. с десятины, в Харьковской – только 9,5 коп., в Воронежской – 11–12 коп.

Правда, одновременно быстро росли и достигли внушительных цифр земские сборы. Если в 1901 г. они составили 29,3 млн руб., то в к 1912 г. возросли до 63,1 млн руб., т.е. почти вдвое. До 51,1 млн руб. возросли и мирские сборы [2, с. 492]. Однако сетования по поводу их роста вызывают сильные сомнения. И земские и, тем более, мирские деньги тратились на самих же крестьян. Сообщая эти данные, Анфимов старался убедить читателя в глубокой несправедливости налоговой политики правительства. Даже уменьшение финансовых повинностей, по его мнению, было направлено не на улучшение жизни народа, а на то, чтобы «определенная часть крестьянства, преимуще-

ственно более зажиточная, ослабила борьбу против царизма» [2, с. 489]. Похоже, историк искренне считал, что царское правительство никогда и ни при каких условиях ничего доброго для народа делать не могло. Низкий уровень государственного поземельного налога он объяснял заботой власти об интересах помещиков, но никак не крестьян, хотя сам же приводил убедительные данные о том, что к началу XX в. крестьянское землевладение по своей площади втрое превосходило землевладение дворянское [3, с. 41–44].

Между тем, анализируя рост косвенных налогов, Анфимов сообщает, что на водку в 1901 г. крестьяне потратили 140,2 млн руб., а в 1912 г. уже 256,3 млн руб. То есть в 25 раз больше годовичного объема поземельного налога со своих наделов! [2, с. 494]. На чай же в 1912 г. население Европейской части России потратило около 46 млн руб., т.е. в 1,5 раза больше земских сборов, которые, как писал Анфимов, тяжелым бременем лежали на крестьянах [2, с. 505]. Бремя же водочных и чайных расходов особо автором не обсуждалось и признавалось как бы естественным и неотвратимым.

Понятно, что о тяжести налогов нельзя судить, не учитывая доходов населения. Общий доход крестьян Европейской России в 1900 г. Анфимов оценивал в 2659,7 млн руб. [2, с. 504]. Опираясь историк и на статистические расчеты С.Н. Прокоповича. Последний оценил общий доход от сельского хозяйства Европейской России в 1913 г. в 5,6 млрд руб. На долю крестьян по этим же расчетам пришлось 5014943 руб. годового дохода [10, с. 41]. Советские историки давно подсчитали, что крестьянские хозяйства в начале XX в. давали до 90 % валовой продукции сельской экономики [6, с. 120–122]. Следует учесть также, что цена на рожь в 1896 г. составляла 57 коп. за пуд, а к 1913 г. она поднялась до 1 руб. 45 коп., что, естественно, заметно повысило материальный достаток и платежеспособность крестьянства.

Очевидно, что доля прямых налогов и сборов в крестьянских хозяйствах никак не могла превышать 6–7 %. Считать такие повинности чрезмерно обременительными можно было с большой натяжкой. При этом А.М. Анфимов сетовал, что доходы распределялись у крестьян неравномерно, как бы забывая, что равномерного распределения доходов не бывает практически нигде и никогда. Кроме того, историк, как сказано выше, отметил быстрый рост косвенных налогов, поскольку крестьяне стали тратить очень большие суммы на водку и чай. Подытожив рост денежных расходов крестьян в начале XX в., Анфимов все-таки констатировал, что налоги «давили на них колоссальной тяжестью с тенденцией к еще большему увеличению» [2, с. 505].

Опираясь примерно на те же статистические данные, Б.Н. Мионов, напротив, пришел к выводу о том, что благосостояние крестьян на рубеже XIX–XX вв., наоборот, укреплялось. Рост косвенных налогов, резонно пишет он, свидетельствовал о несомненном увеличении

доходности крестьянских хозяйств [7, с. 632–633]. Эти оценки поддержал М.А. Давыдов. Хронические недоимки при исполнении финансовых повинностей оба автора выводят не из экономических условий, а из больших недостатков податной политики государственной власти [5, с. 34–35]. Смелые доводы Миронова сразу же привели к возникновению острого спора среди отечественных исследователей. С резкими возражениями выступили сторонники прежней версии об обострении крестьянской нужды в канун революционных потрясений начала XX в. [1, с. 611–613; 8, с. 73–86; 9, с. 127–129]. Конструктивное разрешение столь принципиального спора возможно только через продолжение конкретных исследований экономического и финансового положения крестьянских хозяйств, причем, в первую очередь, на региональном уровне.

Сведения, сохранившиеся в архивных фондах местных органов государственной власти, дают возможность внести существенные уточнения в представления об особенностях налоговой ситуации в крестьянской среде. Они свидетельствуют, что прямые налоговые повинности крестьян в последние десятилетия существования монархии нельзя признать чрезмерными. Государственный земельный налог никак не мог обременять крестьянскую семью. Сумма окладных сборов по государственному поземельному налогу в Воронежской губернии в 1897 г. составляла 341502 руб. В губернии насчитывалось примерно 350 тыс. крестьянских дворов, следовательно, по этому налогу на двор приходилось менее 1 руб.

Гораздо более серьезной нагрузкой на крестьянский бюджет являлись земские сборы. Их годовой оклад в губернии составлял в начале XX в. около 3 млн руб. В среднем на двор приходилось по 8–10 руб., из них губернский сбор составлял примерно 2–3 руб., а уездный – 6–8 руб.² Однако и эти сборы нельзя считать слишком тяжелыми. По стоимости они равнялись примерно 15 пудам ржи. Не был слишком обременительным и третий вид платежей – мирские сборы. В Воронежской губернии их годовой оклад был примерно вдвое меньше земского. Отметим также, что необходимость в таких сборах была для крестьян очевидной. Как земские, так и мирские сборы из своих территорий не уходили и расходовались на местные, главным образом, крестьянские нужды. Примерно такая же ситуация была с обязательными для крестьян страховыми взносами. По своей величине они примерно соответствовали мирским сборам и тратились, в основном, на частичное возмещение потерь при частых в ту пору пожарах.

Наиболее сложной для крестьян, да и для властей была ситуация с выкупными платежами. Фактически включенные в состав казенных

² Памятная книжка Воронежской губернии на 1898. Воронеж. 1898. Отд. 2. С. 41–45.

повинностей, выкупные платежи по объему примерно в 15 раз превосходили государственный земельный налог. В Воронежской губернии средний размер выкупных платежей бывших помещичьих крестьян составлял примерно 1 руб. 50 коп. — 1 руб. 70 коп. с десятины наделной земли. Из-за этого доля выкупных платежей в сумме всех денежных повинностей воронежских крестьян составляла примерно 70 %. Стоит напомнить, что в конце XIX в. крестьянское налогообложение существенно изменилось. На выкуп наделной земли были переведены и государственные крестьяне, численность которых в Воронежской губернии была гораздо более высокой, чем бывших помещичьих (71 % против 29 % в общем составе крестьянского населения).

В 1836 г. государство пошло на отмену подушной подати. Для государственных крестьян в целом по стране она составляла 17,8 млн руб. [4, с. 64]. Эту цифру причислили к сумме выкупа наделов. Выкуп, как и у бывших помещичьих крестьян, был обязательным, с рассрочкой на 44 года. Всего по стране крестьяне выкупили 100,3 млн десятин земли, из них на долю государственных крестьян пришлось 63,1 млн десятин, а бывших помещичьих — 33 млн десятин. Свыше 4 млн десятин выкупали бывшие удельные крестьяне. Годовой же оклад по выкупным платежам составлял около 95,3 млн руб. или чуть меньше 1 руб. с десятины. При этом, писал А.М. Анфимов, у бывших государственных крестьян цена выкупа одной десятины составляла 81,3 коп., у бывших удельных — 73,1 коп., а у бывших помещичьих — 1 р. 42 коп. [4, с. 70].

По Воронежской губернии оброчная подать бывших государственных крестьян была рассчитана на 521230 душ. В их пользовании находилось 3063361 дес. удобной земли. С них причиталось 2425863 руб. оброчной подати (т.е. около 4 руб. с души или около 70 коп. с десятины) и 1416727 руб. подушной подати (т.е. около 2,5 руб. с души или 50 коп. с надела) [4, с. 64]. Всего, таким образом, на десятину стало приходиться около 1 руб. 20 коп. новых выкупных платежей (кроме поземельного государственного налога, земских, мирских и страховых сборов).

Однако 1 руб. 20 коп. с десятины — это в ту пору стоимость не более 2-х пудов ржи. Даже при очень небольшом урожае в 50 пуд. с десятины такой платеж обременительным назвать трудно. Тем не менее, именно по выкупным платежам на рубеже XIX–XX вв. наблюдался самый существенный рост недоимок. Например, к 1 января 1898 г. размер оклада по выкупным платежам для всех категорий крестьян составлял в губернии 4589119 руб. 28 коп. Впечатляет, однако, не размер оклада, а объем накопившихся недоимок. Они составили к этой же дате 7732785 руб., т.е. почти в 2 раза больше годового оклада³.

³ Памятная книжка Воронежской губернии на 1898. Воронеж. 1898. Отд. 2. С. 45.

В сумме, следовательно, размер долга по выкупным платежам превысил 12,3 млн руб. или примерно по 40 руб. в среднем на хозяйство. Впрочем, и эта солидная сумма сама по себе не могла считаться разорительной. По данным статистики, примерно такую же сумму в конце XIX в. крестьянский двор тратил в год на спиртные напитки. Но расходы на то и на другое могли действительно разорить даже средний по доходам двор.

Задолженность по всем видам сборов к началу XX в. стала хронической и даже обыденной. Показательны обобщенные сведения о финансовой задолженности отдельных уездов Воронежской губернии. Так, в рапорте Острогжского уездного исправника губернатору Е.А. Куровскому от 10 сентября 1890 г. положение с уплатой налогов в уезде выглядело следующим образом. Годовой оклад составлял 579629 руб. 58 коп. при недоимках за предыдущие годы в 225463 руб. 4 коп. Недоимки, таким образом, составляли почти 40 % годового оклада. Всего подлежало к поступлению в тот год 805092 руб. 62 коп. К началу сентября в казначейство поступило разных казенных сборов 158098 руб. 80 коп. Осталось, итожил исправник, получить по недоимкам 179244 руб. 13 коп. и оклада 467749 руб. 69 коп., а всего 646993 руб. 82 коп.⁴ Очевидно, что и в отчетном году погашения недоимок не предвиделось.

Зато относительно благополучным по платежам был Новохоперский уезд. Здесь размер недоимки был в 10 раз меньше, чем в Острогжском уезде. Он составлял к 1 января 1890 г. всего 20876 руб. 3 коп. Сумма же оклада казенных денежных сборов была здесь 486043 руб. 48 коп. В душевом исчислении – примерно столько же было и в Острогжском уезде. Но в Новохоперском уезде к сентябрю недоимки были погашены в размере 13609 руб. 72 коп. (осталась совсем небольшая сумма в 7266 руб. 31 коп.). Окладных же сборов было получено казначейством в размере 86254 руб. 68 коп. Оставшаяся сумма в 309788 руб. 80 коп. должна была погашаться по мере подведения итогов сельскохозяйственного года и полной уборки урожая⁵. Объективные условия хозяйствования в обоих уездах были одинаковыми, поэтому различие в исполнении финансовых повинностей можно было объяснить неодинаковым отношением к этому вопросу со стороны администрации и населения.

При анализе статистических данных, которые регулярно собирались местными властями, складывается впечатление, что должной финансовой и налоговой исполнительности не было ни в одном уезде и ни в одной волости. И, что самое печальное, к такой ситуации при-

⁴ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 7. Л. 26.

⁵ Там же. Л. 28.

выкало население, привыкали и власти. На всех уровнях государственного управления бытовало довольно спокойное признание того, что ничего поделать тут нельзя, да, видимо, и незачем, ведь основные доходы государственной бюджет стал получать не от прямых, а от косвенных налогов. Рост же косвенных налогов был невозможен без общего подъема экономики страны, значит, и без роста материально-благосостояния народа.

При сопоставлении с общероссийскими усредненными данными заслуживают внимания сведения о платежах по конкретным селениям. Сбором таких сведений энергично занимался губернатор Е.А. Куровский, совершивший в 1890 и 1891 гг. несколько контрольных поездок по уездам губернии. Показательны, например, представленные ему данные по Ровенской волости Острогжского уезда. На август 1890 г. в слободе Ровеньки с прилегающими хуторами числилось удобной земли 19 тыс. десятин. Эти земли принадлежали как бывшим государственным крестьянам (7345 муж. душ), так и бывшим помещичьим (342 муж. души). На ревизскую душу по данным 10-й ревизии 1858 г. здесь приходилось 6 дес. 600 кв. саженой, что почти вдвое превышало высшую норму надела для бывших помещичьих крестьян. Впрочем, рост населения привел к тому, что на наличную душу ко времени составления отчета здесь числилось уже без малого 4 десятины.

Причиталось с крестьян слободы всех видов платежей примерно по 1 руб. 50 коп с десятины. Оклад за год составлял 36370 руб., а по полугодиям 18186 руб. 26 коп. и 18184 руб. 86 коп. По казенным платежам числились еще и недоимки в размере 28,7 тыс. руб. Губернаторская проверка показала, что и поступления текущего года шли очень плохо. По недоимкам поступило только 4753 руб. 84 коп. Оклада первого полугодия — 3394 руб. 84 коп. Платежи второго полугодия поступили в символической сумме 43 руб. 17 коп. Видимо, от одного исправного крестьянина.

Размер земских сборов (уездного и губернского) в волости составлял по полугодиям 3319 руб. 22 коп. и 3274 руб. 23 коп. Эти сборы как минимум в пять раз уступали казенным, в которые включались выкупные платежи. Мирские сборы в волости составляли по полугодиям 1189 руб. 4 коп. и 1193 руб. 13 коп., а всего за год 2382 руб. 17 коп., т.е. примерно по 11 коп. с десятины. Еще более скромными были тут страховые платежи. В год они составляли около 1700 руб., т.е. примерно 9 коп. с десятины⁶. Общая нагрузка налогов и сборов на десятину составляла в волости с недоимками никак не больше 2 руб. 50 коп. с десятины. Тем не менее, рост недоимок был внушительным.

Показательно, что уровень недоимок практически не зависел от материальной обеспеченности крестьянских хозяйств. Типичная кар-

⁶ ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 8. Л. 42.

тина того времени наблюдалась в многоземельной Новокриушанской волости Богучарского уезда. По последней ревизии перед отменой крепостного права здесь числилось 3207 мужских душ и 3124 женских. В 1890 г. уже числилось 3574 мужчин и 3602 женщины. В волости также проживали 19 купцов, мещан и разночинцев, 154 отставных солдата и 194 бессрочноотпускных, а также 346 солдатских жен и вдов. Всего в волости, таким образом, числилось 7895 жителей. Любопытно, что по Общему положению о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, в волости полагалось не более 2000 душ мужского пола⁷.

Дворов в волости насчитывалось 1189. Удобной земли в их пользовании — 24623 дес. 720 кв. сажений. Был в волости и лес — 346 дес. 1200 сажений. На ревизскую душу здесь приходилось по 8 дес. 728 кв. сажений земельных угодий. Такие наделы более чем вдвое превышали высшую норму надела для бывших помещичьих крестьян. Судя по отчету уездного исправника за волостью числилось государственного поземельного налога 1974 руб. 29 коп. (примерно по 8 коп. с дес.). Выкупных же платежей числилось 23213 руб. 12 коп. (примерно 95 коп. с десятины). Земский сбор составлял (губернский и уездный вместе) 3980 руб. 21 коп.), т.е. примерно 18 коп. с десятины. Мирские сборы в волости равнялись 2339 руб. 49 коп., т.е. по 10 коп. с десятины. Однако и в этой многоземельной волости платежи поступали в казну с большими недостатками. За весь 1890 г. выкупные платежи не вносились к сентябрю вообще, по государственному поземельному налогу были погашены только недоимки в 5040 руб. (при годовом окладе меньшем, чем 2 тыс. руб.). Плохо было и с платежами по земским сборам. По ним поступила только часть недоимок (1215 руб. 26 коп., осталось недоимок 375 руб. 72 коп.). По сути дела, совсем не бедная волость попросту саботировала исполнение важнейшей государственной обязанности.

Примерно таким же было положение и в Старокриушанской волости того же уезда. В ней числилось 1115 дворов бывших государственных крестьян, численность которых по последней ревизии была определена в 2613 мужчин и 2618 женщин, всего 5231 человек. На сентябрь 1890 г. здесь проживало уже 3857 мужчин и 3822 женщины или 7679 человек. Удобной земли у крестьян волости было 20850 дес. 2160 кв. сажений. Душевой надел выглядел вполне достаточным — 7,6 дес. на ревизскую душу. Правда, к 1890 г. душевой надел составил уже 5,5 дес., но по-прежнему заметно превосходил средний размер, как по стране, так и по губернии. Налоги же и сборы поступали в казначейство от этой волости не лучше, а хуже, чем от других волостей, в том числе и менее обеспеченных земель. Годовой оклад был определен

⁷ Российское законодательство X–XX вв. М., 1989. Т. 7. С. 46.

здесь в 26,1 тыс. руб., разделенный надвое равномерно по полугодиям. Однако за первое полугодие поступили лишь 2700 руб., а за второе полугодие к сентябрю еще вообще ничего не поступило. Зато мирские сборы собирались здесь вполне исправно. Определенные на первое полугодие 1373 руб. 4 коп. поступили полностью, начали поступать платежи и за второе полугодие⁸.

Печальная картина с поступлением сборов наблюдалась и в Березняковской волости Богучарского уезда. По ревизии 1858 г. в волости проживало 4319 мужских и 4357 женских душ. Но к 1890 г. население заметно увеличилось; здесь числилось уже 5449 мужских и 5486 женских душ. В 6 селениях волости насчитывалось 1763 двора. Крестьянской надельной земли было 31,8 тыс. дес. и 643 дес. леса. Удобной земли на ревизскую душу приходилось по 7,4 дес. Оклад 1890 г. по выкупным платежам составлял 30029 руб. 91 коп., или чуть меньше 1 руб. с 1 дес. в год. В недоимках на 1890 г. состояло 10150 руб. 52 коп. Оклад земского сбора составлял 5469 руб. 29 коп., или примерно 17 коп. с дес. Недоимок по земскому сбору было немного – 548 руб. 71 коп. Государственный поземельный налог составлял по волости 2724 руб. 70 коп., или примерно 9 коп. с десятины. Мирские сборы здесь были небольшими – 1180 руб. 81 коп. или менее 5 коп. с десятины. Всего, таким образом, налоговая нагрузка без страховых сборов составляла очень умеренную цифру – около 1 руб. 30 коп. Тем не менее, и здесь накопились внушительные недоимки по выкупным платежам (около 30 % оклада).

Еще хуже было положение с платежами по лесному налогу. Его годовой оклад составлял 1576 руб. 86 коп., а недоимок по нему числилось уже 14248 руб. 89 коп.⁹ Иначе говоря, крестьяне просто не платили лесной налог уже в течение 10 лет. Такая ситуация могла возникнуть только потому, что крестьяне попросту уклонялись от уплаты тех налогов, которые считали несправедливыми, а потому и необязательными. При 7 дес. душевого надела или почти 20 дес. на двор стоимость только урожая при 3-польном севообороте должна была оцениваться почти в 1 тыс. руб. А ведь были еще и промыслы, зимние постоянные и летние поденные заработки. Налоговая нагрузка в 30 руб. на двор никак не могла быть для крестьян обременительной.

Зато относительно благополучным считалось, например, положение в Рождественской волости Новохоперского уезда с заметно меньшей земельной обеспеченностью. В этой многолюдной волости числилось 16643 жителя. Крестьянское население было представлено следующим образом: мужчин 7419, а женщин 7488. Кроме того, в составе волостного населения были 85 купцов, 410 отставных солдат, 432 сол-

⁸ ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 7. Л. 36–38.

⁹ Там же. Л. 41.

дата отпусковых, 809 солдатских жен и вдов. Волость насчитывала 2442 крестьянских двора. Им принадлежало почти 31625 дес. удобной земли. Владели они и 2841 дес. леса. На ревизскую душу здесь приходилось 4 дес. 230 кв. саж. земельных угодий. Это почти вдвое меньше, чем в Новокриушанской и Старокриушанской волостях Богучарского уезда. Однако платежи поступали здесь куда более исправно. По государственному земельному налогу, определенному в 3799 руб. 92 коп., недоимок вообще не было. В счет оклада 1891 г. поступило уже к лету 1296 руб. 48 коп.

Впрочем, выкупные платежи и здесь шли вяло. Как и всюду, они более чем в 10 раз превышали размер государственного земельного налога и составляли 42724 руб. 74 коп. на 1891 г. К моменту губернаторской ревизии в августе 1891 г. кроме оклада по выкупным платежам в волости числились недоимки в размере 2497 руб. 33 коп. Поступило недоимок 1147 руб. 98 коп., оклада же только 5603 руб. 44 коп. По страховым взносам оклад составлял 4760 руб. 66 коп. (примерно по 2 руб. на двор), недоимок же числилось 3130 руб. 27 коп. В год проверки крестьяне охотнее вносили страховые платежи и внесли 3476 руб. 23 коп, но зато практически не погасили недоимок, внесли лишь 69 руб.

Не было в волости недоимок по уездным земским сборам, размер которых был определен в 5584 руб. 73 коп. (примерно 17 коп. с десятины). Поступило 1427 руб. 14 коп. и ожидалось к концу года еще 4162 руб. 59 коп. Практически не было недоимок и по губернскому земскому сбору, размер которого составлял 1060 руб. 13 коп. Мирские сборы в этой волости оказались выше земских и равнялись 6717 руб. 74 коп. оклада и 1022 руб. 78 коп. недоимок. По этим сборам в счет недоимок поступило 646 руб. 67 коп. и оклада 2101 руб. 6 коп.

Всего же в волости по всем видам платежей причиталось собрать 6655 руб. 50 коп. недоимок и оклада 64652 руб. 92 коп. Осталось получить 4791 руб. 85 коп. недоимок и 50724 руб. 9 коп. оклада¹⁰. Как видно, сами крестьяне этой волости не считали налоги чрезмерными, но выкупные платежи вносили крайне неисправно. На десятину здесь падало чуть больше 2-х рублей. Между тем, стоимость собранного урожая с одной десятины была в районе 75–80 руб., а на двор приходилось почти по 15 десятин.

Отмена с 1 января 1907 г. выкупных платежей позволила крестьянам существенно увеличить доходность своих хозяйств. Как следствие, с 1910 г. до начала Первой мировой войны в Воронежской губернии наблюдалось снижение социальной напряженности. Увеличение денежных накоплений у большинства крестьянских хозяйств позволило местной администрации и земским учреждениям активизировать дея-

¹⁰ ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 7. Л. 39.

тельность по структурной реорганизации сельской экономики. Дополнительные импульсы получило новое землеустройство, связанное с переходом от общинного землевладения к подворному (отрубному), а также массовое развитие кооперативов (кредитных, потребительских, промысловых, сбытовых и проч.). С отменой выкупных платежей община стала терять защитные функции, а за снижением налогового бремени последовал существенный рост эффективности крестьянских хозяйств, и в первую очередь тех, которые покинул общину по столыпинскому закону. Ускорилось перераспределение земельного фонда губернии. К началу мировой войны крестьянство сосредоточило в своей собственности примерно 90 % материальных ресурсов сельского хозяйства губернии.

Данные по Воронежской губернии убеждают, что перед Мировой войной положение с налоговыми платежами начало стабилизироваться. По сведениям губернского статистического комитета 1914 г. в финансовом отношении губерния встречала в неплохом состоянии. Недоимок по окладным сборам числилось всего 242937 руб. 50 коп., что было меньше, чем год назад на 310579 руб. 71 коп. Оклад же 1914 г. составлял 885417 руб. 63 коп. Но зато от продажи пива в 1913 г. казна получила от Воронежской губернии 19338572 руб. 13 коп. В 1914 г. поступление от продаж спиртных напитков резко сократилось (на 10656181 руб. 76 коп.) и составило всего 8682390 руб. 46 коп. Действовал запрет на продажу спиртных напитков, установленный 26 июля 1914 г. Понятно, что в 1915 и 1916 гг. казна не добрала еще больше. Между тем из-за подорожания сельскохозяйственной продукции в карманах крестьян и вообще сельских производителей остались внушительные суммы. Налоги же в условиях войны стали выплачиваться вновь очень плохо. В общем окладе казенных сборов поземельный налог составил 655916 руб. 70 коп., взыскано же было 387569 руб., т.е. крестьяне уплатили, грубо говоря, всего по пятаку за десятину.

Губернский земский сбор исчислялся в сумме 2173962 руб. 24 коп. Собрать удалось 1586258 руб. 88 коп. Уездные земские сборы в 1914 г. составили 5839314 руб. 41 коп., собрали же 4324603 руб. 83 коп. Впрочем, для военного времени эти данные можно считать удовлетворительными¹¹.

О том, что отмена выкупных платежей существенно укрепила материальное положение крестьянских хозяйств, убедительно свидетельствуют статистические данные. Например, в Петропавловской волости Богучарского уезда в 19 селах и деревнях проживало 10551 бывших государственных крестьян (5229 мужчин и 5322 женщин) и 593 бывших помещичьих крестьян (304 мужчины и 281 женщина) при общем

¹¹ Памятная книжка Воронежской губернии на 1916 год. Воронеж, 1916. Отд. 2. С. 39–44.

числе дворов 1826. У бывших государственных крестьян было в общинной собственности 22684 дес. 13 кв. саженей удобной земли при душевой обеспеченности на ревизскую душу в 6 дес. 15 кв. саженей. Земельное обеспечение бывших помещичьих крестьян было значительно более скромным: в их собственности находилось 352 дес. 3 кв. сажени земли, а всего в крестьянском надельном землевладении здесь было 23036 дес. 16 кв. саженей земли. Сумма казенных и земских сборов здесь распределялась по полугодиям следующим образом: 16509 руб. 5 коп. за первое и 16508 руб. 91 коп. — за второе. Всего за год всех налогов причиталось с волости 33017 руб. 96 коп. Как и в большинстве волостей на 1 десятину удобной земли приходилось примерно 1,5 руб. налогов и сборов. При этом бывшие оброчные подати, трансформированные к концу века в выкупные платежи, составляли 25925 руб. 45 коп.¹² При списании этой суммы в налоговом окладе оставалось только около 7 тыс. руб. Словом, отмена выкупных платежей была действительно важной мерой по улучшению финансового положения крестьянских хозяйств. Но она была одновременно и мерой вынужденной: хронические недоимки ставили государство в, прямо скажем, крайне неприятное положение безнадежного и всем надоевшего конфликта с общинным крестьянством.

Как отмечено выше, после ликвидации выкупных платежей стали быстро возрастать земские сборы. Например, в Валуйском уезде Воронежской губернии с 1905 по 1915 г. они выросли более чем в 5 раз, с 123712 руб. 50 коп. до 700571 руб. 5 коп. Надо помнить, однако, что основной рост дали сборы с недвижимости и с доходов коммерческих предприятий. С землевладельцев брали мало, меньше реальной доходности, причем немного. Так, ценность десятины земли в уезде для обложения была принята уездным собранием в 33 руб. (реальные рыночные цены были в 6–7 раз более высокими и приближались к 200 руб. за дес.). Доходность же десятины определялась вкруговую в уезде в 2 руб. с десятины. Это тоже была явно заниженная цифра.

Приведенные данные позволяют согласиться с выводом М.А. Давыдова, что крестьяне не платили выкупные платежи не потому, что не могли, а потому, что не хотели. Роль своеобразной социальной защиты при этом играла община с ее круговой порукой. Сталкиваясь с солидарными действиями общинников, власти, как правило, попросту отступали. Эпизодические списывания недоимок не улучшали, а еще больше ухудшали положение дел. Известно, что в связи с рождением наследника недоимки по выкупным платежам были списаны манифестом 11 августа 1904 г.; к тому времени долги по выкупным платежам превышали годовой оклад.

Впрочем, сводить проблему недоимок только к саботажу или к не-

¹² ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 7. Л. 35.

достаткам податной системы — значит сильно упрощать проблему. Не менее важным фактором слабой финансовой дисциплины была низкая денежная доходность крестьянских хозяйств. На фоне успехов промышленного развития откровенно невысокая эффективность земледельческого труда становилась все более очевидной. Земские статистики, главой которых на протяжении двадцати лет был признанный мастер своего дела Ф.А. Щербина, информировали в 1895 г. управу, что средний размер долгосрочной аренды одной десятины земли в губернии равнялся 4 руб. 45 коп. Поскольку долгосрочная аренда падала на все виды угодий и учитывала хозяйственные риски, постольку она близко выражала собой чистую доходность земли. При этом «чистая доходность земель по Воронежской губернии, при лучших условиях, составляет лишь 21,2 % долга, лежащего на землях, а ежегодное погашение долгов и платежей поглощает около 67,4 % этой доходности, т.е. из каждых 4 руб. 45 коп. на долю владельца и хозяйства остается 1 руб. 45 коп., а на погашение идет 3 рубля»¹³.

Еще хуже было положение в крестьянских общинных хозяйствах. За пореформенные десятилетия общая задолженность крестьянских хозяйств по платежам достигла огромной суммы в 22,5 млн руб., или почти по 71 руб. на двор. «У частных владельцев, — с горечью констатировали земцы, — за покрытием задолженности и платежей остается по 1 руб. 45 коп. с десятины, у крестьян же не только не оказывается никаких остатков, а образуется даже дефицит в 5 руб. 54 коп. на десятину»¹⁴.

О бездоходности крестьянских посевов не раз с тревогой говорили многие специалисты. Так, статистики Богучарского уезда отмечали, что в начале XX столетия средние урожаи с крестьянские наделов не превышали 50 пуд. с дес., а за вычетом посевного зерна, чистый урожай составлял всего около 40 пуд. Подсчеты показывали, что затраты составляли не менее 75 коп. на пуд, а продажная цена (около 1 руб. за пуд.) едва их покрывала¹⁵.

Можно согласиться с тем, что нарастание революционного кризиса в Российской империи объяснялось не финансовыми тяготами и не денежным обеднением крестьянства. Однако только на этом основании нельзя делать вывод о материальном благополучии русской деревни. Высоких доходов не было, а при натурально-потребительском хозяйстве крестьянского двора и быть не могло. По подсчетам Ф.А. Щербина, душевой доход крестьян Острогужского уезда в конце 1880-х гг. составлял 83 руб. 87 коп., тогда как у французских крестьян он достигал 165 руб. 24 коп., а в фермерских хозяйствах штата Луизиана в

¹³ ГАВО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2232. Л. 146.

¹⁴ Там же. Л. 148.

¹⁵ Вестник Богучарского общества сельского хозяйства. 1915. № 1. С. 8.

Америке – 287 руб. 94 коп. [12, с. 101]. Перспективы развития русской деревни Щербина видел в неуклонном росте средних потребностей. В современную ему эпоху эти потребности были убоги, а душевые расходы на жизненные потребности в крестьянской семье составляли около 30 руб. в год.

Эти удручающие цифры свидетельствовали о том, что до подлинно рыночных отношений в земледельческом секторе было еще очень далеко. Впрочем, крестьянская общинная экономика никогда и не была рыночной. Крестьянское земледелие носило натурально-потребительский характер: основная цель его заключалась в обеспечении семьи необходимым продовольственным минимумом. Поэтому-то крестьяне стремились к сохранению цены на хлеб на возможно более низком уровне. Для абсолютного большинства из них хлеб не являлся источником получения прибыли, он был жизненно необходим в, так сказать, натуральном виде. Невзирая на затраты, крестьянин-общинник стремился обеспечить семью всем необходимым и крайне редко выходил на рынок, как в качестве продавца, так и покупателя. Подчеркивая, что дешевый хлеб крестьяне считали благом, земские статистики тут же отмечали, что потребности населения в Воронежской губернии «оказываются крайне неразвитыми, ограниченными и примитивными». Есть, писал Щербина, глубокая разница «между потребностями людей, стоящих на разных ступенях исторического развития или принадлежащих к разным классам. [12, с. 99]. В справедливости этого вывода сомневаться не приходится. Можно напомнить, что в написанном в ту же эпоху рассказе А.П. Чехова «Попрыгунья» при перечислении доходов доктора Дымова, писатель отметил, что частная практика этого честного врача давала ему совсем немного – около 500 руб. в год. Между тем для крестьянского двора валовый доход в 500 руб. в год считался совсем неплохим. Средние расходы на душу в крестьянском хозяйстве в начале века составляли 53 руб. 5 коп. в год, причем на удовлетворение личных потребностей расходовалось 25 руб. 70 коп., а на удовлетворение хозяйственных нужд 27 руб. 35 коп., то есть в сутки на личное потребление тратилось всего 7 коп. [12, с. 126–128]. Понятно, что живший в городе доктор тратил денег во много раз больше, поскольку имел совсем иной уровень потребностей. Но понятно и то, что при очень скудной наличности в семейном доходе уплата налогов становилась трудной проблемой. Приходится признать, что рассуждения легальных народников конца XIX в. об отсутствии сколько-нибудь солидного капиталистического рынка в русской деревне не были лишены оснований.

Видимым парадоксом крестьянской экономики пореформенного времени можно считать тот факт, что доходы малоземельных хозяйств были преимущественно денежными, а хозяйств с достаточными или даже большими наделами – в основном натуральными. Многоземель-

ные крестьяне, как правило, обеспечивали себя всеми продуктами собственного производства и от денежных доходов зависели мало. Большие наделы требовали большого труда и давали крестьянину все необходимое. По признанию самих крестьян, с земли они жили, деньги же на налоги получали с промыслов. Напротив, «чем беднее хозяйство, тем больше средств расходуется в нем в частности на пищу, как важнейшую из личных потребностей»¹⁶. По подсчетам того же Щербины продукты труда в натуральной форме у воронежских крестьян составляли около 55 % всех доходов двора. При этом от земледелия доходность в натуральной форме составляла 83 %, а в денежной — только 17 %. Денежная же часть доходов крестьянского двора формировалась, главным образом, от заработков в местных и отхожих промыслах [12, с. 183–185].

Слабая исполнительность крестьянства по финансовым повинностям была не только следствием недостатков налоговой политики, но и отражением продолжавшегося господства натурально-потребительского хозяйства в экономике русской деревни. Невысокая денежная доходность, общинный характер социальных отношений и, как следствие, неразвитость гражданского сознания порождали условия для подрыва финансовой исполнительности в среде сельского населения. Представления о законности платежей и сборов были либо вовсе не развиты, либо решительно расходились с представлениями администрации. Вследствие этого создавались условия для разрастания системного кризиса государственного строя.

Литература

1. *Ананьич Б.В.* Заметки по поводу статьи Б.Н. Миронова «Кто платил за индустриализацию: экономическая политика С.Ю. Витте и благосостояние населения в 1890–1905 гг. по антропометрическим данным» // Экономическая история. Ежегодник. 2002.
2. *Анфимов А.М.* Налоги и земельные платежи крестьян Европейской России в начале XX века (1901–1912) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г. Минск. 1964.
3. *Анфимов А.М.* Неоконченные споры // Вопросы истории. 1997. № 6.
4. *Анфимов А.М.* Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904 гг. М., 1984.
5. *Давыдов М.А.* Проблема крестьянских недоимок // Родина. 2014. № 4.
6. *Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М.* Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. Источники и методы изучения. М., 1982.

¹⁶ Вестник Богучарского общества сельского хозяйства. 1915. № 1. С. 127.

7. *Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России. М., 2010.
8. *Нефедов С.А.* К дискуссии об уровне потребления в пореформенной и предреволюционной России // Российская история. 2011. № 1.
9. *Нефедов С.А.* О благополучии дореволюционной России // Вопросы истории. 2011. № 5.
10. Опыт исчисления народного дохода 50 губерний Европейской России в 1900–1913 гг. / Под ред. С.Н. Прокоповича. М., 1918.
11. *Христофоров И.А.* Судьба реформы. Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011.
12. *Щербина Ф.А.* Крестьянские бюджеты. Воронеж. 1900.
13. *Янсон Ю.Э.* Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1881.